

Самооправданіе императора Александра Павловича въ письмѣ къ великой княгинѣ Екаторинѣ Павловнѣ.

18 Сентября 1812 г.

Вотъ вамъ, дорогой другъ, мой обстоятельный отвѣтъ, который я долженъ вамъ дать.

Нечему дивиться, когда на человѣка, постигнутаго несчастіемъ, нападаютъ и его терзаютъ. Я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ и зналъ, что со мною поступать такъ же, чуть судьба перестанетъ мнѣ благопріятствовать. Мнѣ суждено, быть можетъ, лишиться даже друзей, на которыхъ больше всего я рассчитывалъ. Все это, по несчастію, въ порядкѣ вещей въ здѣшнемъ мірѣ!

Мнѣ всегда претило, а особенно при несчастіи, утомлять кого бы то ни было подробностями о себѣ самомъ; но, по моей къ вамъ искренней привязанности, я дѣлаю надъ собою усиліе и изложу вамъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они мнѣ представляются.

Что лучше, какъ руководиться своими убѣжденіями? Имъ только и слѣдовалъ я, назначая Барклая главнокомандующимъ 1-ой арміи, по его заслугамъ въ прошлыя войны съ Французами и Шведами. Я убѣжденъ, что онъ превосходитъ Багратіона въ знаніяхъ. Грубыя ошибки, сдѣланныя симъ послѣднимъ и бывшія отчасти причиною нашихъ неудачъ, только подкрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи, при которомъ, меньше чѣмъ когда либо, я могъ считать его способнымъ быть во главѣ обѣихъ армій, соединенныхъ подъ Смоленскомъ. Хотя я и не вынесъ большаго удовольренія изъ немногаго выказаннаго въ мое присутствіе Барклаемъ, но все же считаю его менѣ несвѣдующимъ въ стратегіи, чѣмъ Багратіонъ, который ничего въ ней не смыслить.

Слухъ, дошедшій и до васъ, будто мой адъютантъ Кутузовъ доставилъ мнѣ очень сильныя представленія отъ генераловъ арміи, совершенно ложенъ. Кутузовъ просто привезъ мнѣ отчетъ о дѣлахъ, происходившихъ подъ Витебскомъ, на мой же собственный вопросъ онъ отвѣчалъ, что въ арміи считаютъ Багратіона и Барклая одинаково неспособными распорядиться такимъ большимъ войскомъ, а что всѣмъ желателенъ Петръ Паленъ. Не говоря уже объ его *вроломномъ* и *безнравственномъ* характерѣ и *преступленіяхъ*, вспомните только, что онъ близъ 18—20 лѣтъ, какъ не видѣлъ непріятеля и былъ только бригаднымъ генераломъ, когда въ послѣдній разъ участвовалъ въ сраженіи. Какъ-же я могъ положиться на такого человѣка, и чѣмъ онъ выказалъ свои воинскія дарованія или доблести?

Въ Петербургѣ я нашелъ всѣхъ за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова: это было единодушное желаніе.

Такимъ какъ знаю Кутузова, я противился сначала его назначенію; но, когда Ростопчинъ, въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 5-го Августа, извѣстилъ меня, что и въ Москвѣ всѣ за Кутузова, не считая Барклая и Багратіона годными для главнаго начальства, и когда, какъ нарочно, Барклай дѣлалъ глупость за глупостью подъ Смоленскомъ, мнѣ не оставалось ничего другаго какъ сдаться на общее желаніе, и я назначилъ Кутузова. И въ настоящую минуту я думаю, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, мнѣ нельзя было не выбрать изъ трехъ, одинаково не подходящихъ въ главнокомандующіе, генераловъ того, за котораго были всѣ.

Перейду теперь къ предмету, касающемуся меня гораздо ближе: къ моей личной чести. Признаюсь, что дотрогиваться до этой струны мнѣ еще тяжелѣ, и что по крайней мѣрѣ въ вашихъ глазахъ я считалъ ее безупречною. Мнѣ не вѣрится даже, что вы говорите въ вашемъ письмѣ о той личной храбрости, которую умѣеть проявлять каждый солдатъ и въ которой я не вижу никакой заслуги. Впрочемъ, если я доведенъ до униженія останавливаться на этомъ, то скажу вамъ, что гренадеры Малорусскаго и Кіевскаго полковъ могутъ засвидѣтельствовать вамъ, что я не хуже всякаго другаго спокойно выдерживаю огонь непріятеля. Но, повторяю, мнѣ не вѣрится, чтобы рѣчь шла о подобной храбрости, и я полагаю, что вы говорите о храбрости духа: ей можно придать цѣну, когда призванъ къ чему нибудь болѣе выдающемуся. Останься я при арміи, можетъ быть, мнѣ удалось-бы убѣдить васъ, что я не обдѣленъ и такимъ мужествомъ. Но вотъ чего я не могу понять. Вы писали Георгію *) въ Вильну о желаніи вашемъ, чтобы

*) Т. е. принцу Ольденбургскому, своему супругу. П. Б.

я уѣхалъ изъ арміи; вы писали ко мнѣ въ письмѣ, которое привезъ Вельяшевъ: „Ради Бога, не принимайте рѣшенія лично командовать арміей, такъ какъ, не теряя времени, нуженъ главнокомандующій, къ которому войско имѣло бы довѣріе, а вы, въ этомъ отношеніи, не можете вселить никакого; кромѣ того, неудачи, понесенныя вами, были бы непоправимымъ зломъ, по чувству, которое онѣ вызвали бы“. Послѣ того, какъ рѣшено положительно, что я не могу *вселять никакого довѣрія*, не понимаю, говорю я, что хотите вы сказать мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ: *Спасите вашу затронутую честь! Ваше присутствіе можетъ вернуть вамъ умы*. Подразумѣваете-ли вы подъ этимъ мое нахожденіе при арміи? И какимъ образомъ согласить эти два совѣта, одинъ другому столь противоположные?

Послѣ того, что я пожертвовалъ для пользы моимъ самолюбіемъ, оставивъ армію, гдѣ, полагали, что я приношу вредъ, снимая съ генераловъ всякую отвѣтственность, не внушаю войску никакого довѣрія, и, поставленными мнѣ въ вину пораженіями дѣлаю ихъ болѣе прискорбными, чѣмъ тѣ, которыя зачли бы за генералами: судите, дорогой другъ, какъ мнѣ должно быть мучительно услышать, что моя честь подвергается нападкамъ. Вѣдь я поступилъ, какъ того желали; я же только и желалъ что быть съ арміей, и до назначенія Кутузова, я твердо рѣшилъ вернуться къ ней, отказался же отъ этого лишь послѣ, отчасти, по воспоминанію что произошло въ Аустерлицѣ отъ лживаго характера Кутузова, отчасти по вашимъ собственнымъ совѣтамъ и многихъ другихъ одного съ вами мнѣнія.

Если вы спрашиваете, почему я не поѣхалъ въ Москву, скажу въ отвѣтъ, что я не говорилъ никому на счетъ этой поѣздки, и никому ничего не общалъ. Растопчинъ, въ своихъ письмахъ, очень просилъ меня пріѣхать въ Москву; но писалъ онъ объ этомъ до отступленія отъ Смоленска, слѣдовательно во время моей поѣздки въ Финляндію, когда я не могъ этого сдѣлать. А затѣмъ, въ письмѣ отъ 14-го Августа, напротивъ, онъ пишетъ: „Теперь, Ваше Величество, перехожу къ самому важному, т. е. къ вашему прибытію сюда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ваше присутствіе возбудитъ еще больше восторженности, но, если до вашего пріѣзда дѣла не будутъ къ нашей выгодѣ, общая тревога только увеличится отъ вашего присутствія; и такъ какъ вамъ, ни въ какомъ случаѣ, нельзя рисковать собою, то лучше будетъ, если вы рѣшитесь отложить вашъ отъѣздъ изъ Петербурга до полученія какихъ нибудь извѣстій, которыя измѣнятъ къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ“.

Разберемте же, могъ-ли я поѣхать въ Москву? Какъ разъ было установлено очевидно, что я собою приношу арміи больше вреда чѣмъ

пользы, приличествовало-ли мнѣ быть тамъ, куда стягивалась армія, отступивъ отъ Смоленска? Для меня недопустима была мысль, что Москва будетъ оставлена такимъ недостойнымъ образомъ; но я долженъ былъ, однако, допустить эту возможность послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій. Каково было бы мнѣ въ Москвѣ, и не за тѣмъ-ли бы я пріѣхалъ туда, чтобъ, вмѣстѣ съ другими, собрать пожитки и убираться изъ нея?

Посмотрите еще, по расчету времени, могъ-ли я поспѣть туда вѣ-время, или нѣтъ? Я выѣхалъ въ Финляндію тотчасъ по возвращеніи Бенцинга, чтобъ быть тамъ къ условленному дню. Въ Або я провелъ съ наслѣднымъ принцемъ только три дня. Вы согласитесь, что это не особенно много. Въ Петербургъ я вернулся съ 21-го на 22-ое. Предположивъ, что я выѣхалъ-бы на другой-же день, я прибылъ-бы въ Москву только 26-го: слѣдовательно, я не имѣлъ бы даже возможности остановить гибельное отступленіе, сдѣланное въ ночь сраженія и погубившее все. Судите, чѣмъ бы я былъ тогда въ Москвѣ? Не сдѣлали-бы меня одного отвѣтственнымъ за всѣ событія, происшедшія отъ этого отступленія, разъ что я былъ такъ близко, (и это было бы справедливо), а, между тѣмъ, могъ-ли я помѣшать случившемуся, когда пренебрегли воспользоваться побѣдою*) и потеряли благоприятныя минуты? Я бы, значить, пріѣхалъ для того только, чтобъ на мнѣ легла тяжесть позора, до котораго довели другіе?

Напротивъ, мое намѣреніе было воспользоваться первой минутой дѣйствительнаго преимущества нашей арміи надъ непріятельской, (которая бы тогда отступила), чтобъ, дѣйствительно, пріѣхать въ Москву. Даже послѣ извѣстія о битвѣ 26-го я выѣхалъ бы тотчасъ, не напиши мнѣ Кутузовъ, въ томъ же рапортѣ, что онъ рѣшилъ отступить на шесть верстъ, чтобъ дать отдыхъ войскамъ. Эти роковыя шесть верстъ, отравившія мнѣ довольство побѣдою, вынудили меня подождать слѣдующаго рапорта; изъ него я увидѣлъ ясно только одни бѣдствія. Вотъ точное изложеніе обстоятельствъ, дорогой другъ. Къ этому я дамъ вамъ и другія свѣдѣнія, которыя, можетъ быть, поразятъ васъ.

Нынѣшней весной, передъ моимъ отъѣздомъ въ Вильну, я былъ предупрежденъ изъ надежнаго источника, что непрестанный трудъ секретныхъ агентовъ Наполеона долженъ былъ быть направленъ къ подорванію, всевозможными способами, народнаго довѣрія къ правительству, чтобы тѣмъ поставить его въ прямое противорѣчіе съ народомъ; что Наполеонъ, для достиженія этой цѣли, рѣшилъ, если я буду

*) Въ Петербургскихъ церквахъ отслужены были благодарственные молебны за эту побѣду, а Кутузову назначена стотысячная *вѣчная* пенсія, которою и донинѣ пользуются его потомки (сынъ же графа Ростопчина умеръ чуть не въ нищенствѣ). П. В.

при арміи, приписывать мнѣ всё могущія случиться потери и выстав-
лять меня честолюбцемъ, пожертвовавшимъ безопасностію государства,
лишивъ болѣе опытныхъ полководцевъ возможности одерживать побѣды
надъ врагомъ, и что, напротивъ, если меня не будетъ съ арміей, то
отнести это къ недостатку храбрости моей. Но это еще не все; по
этимъ же самымъ свѣдѣніямъ, адскій этотъ замыселъ имѣлъ цѣлью
вселить раздоръ въ нашей семьѣ. Не удивитесь-ли вы, когда я вамъ
скажу, что дней за 8 за 10 до моего отъѣзда, меня предупредили, что
именно съ васъ и начнутъ дѣйствовать, употребивъ всё усилія, чтобъ
выставить меня въ вашихъ глазахъ въ самыхъ невыгодныхъ краскахъ?
Ваша ко мнѣ дружба, открывавшая вамъ постоянно мое сердце и всё
мои помыслы, оставила меня совершенно спокойнымъ, и я не придалъ
этому никакого значенія. Точно также хотѣли и на мнѣ сдѣлать
попытку вселить во мнѣ нѣкоторое безпокойство относительно васъ,
но вскорѣ же убѣдились, что это будетъ напрасная трата времени.
Чтобъ успѣть въ этихъ адскихъ каверзахъ, люди совершенно къ нимъ
непричастные*), но напуганные тѣмъ что могло дойти до ихъ слуха,
должны были сдѣлаться (того не сознавая и думая выказать даже свое
усердіе), эхомъ этихъ толковъ, распространенныхъ первоначально
агентами Наполеона, чтобъ этимъ путемъ толки дошли, наконецъ, и
до насъ, а дѣйствительные ихъ выдумщики остались скрытыми. Время,
въ которое особенно всё эти пружины предполагалось пустить въ ходъ,
принравливалось къ занятію непріателемъ одной или обѣихъ столицъ.
Здѣсь, въ Петербургѣ я ежедневно имѣю случай убѣждаться, какъ
точны были предупрежденія, полученныя мною весною, а ваше послѣд-
нее письмо немало способствуетъ въ доказательствѣ сему. Пока я пер-
вый согласенъ признать, что, при нашихъ несчастныхъ теперь обстоя-
тельствахъ, подобные подвохи находятъ всевозможные способы къ
достиженію успѣха, а распространители такого рода толковъ имѣютъ,
естественно, много послѣдователей.

Что до меня касается, единственно за что я могу ручаться, это,
что мое сердце, всё мои намѣренія и мое рвеніе будутъ клониться къ
тому, что, по моему убѣжденію, можетъ служить на благо и на пользу
отечеству. Относительно таланта, можетъ, у меня его недостаточно;
но вѣдь таланты не пріобрѣтаются, они—даръ природы. Чтобъ быть
справедливу, долженъ признать, что ничего нѣтъ удивительнаго въ
моихъ неудачахъ, когда я не имѣю хорошихъ помощниковъ, терплю
недостатокъ въ дѣятеляхъ по всемъ частямъ, призванъ вести такую
громадную машину, въ такое ужасное время и противъ врага адски

*) Въ числѣ ихъ были и Архаровы, дочь которыхъ, А. И. Васильчикова, переда-
вала намъ въ 1850 году про эти толки. П. Б.

вѣроломнаго, но и высоко талантливаго, котораго поддерживаютъ соединенныя силы всей Европы и множество даровитыхъ людей, образовавшихся за 20 лѣтъ войнъ и революцій. Вспомните, какъ часто въ нашихъ съ вами бесѣдахъ мы предвидѣли эти неудачи, допускали даже возможность потерять обѣ столицы, и что единственнымъ средствомъ противъ бѣдствій этого жестокаго времени мы признали *твердость*. Я далеко отъ того, чтобъ упасть духомъ подъ гнетомъ сыплющихся на меня ударовъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда либо, я рѣшилъ упорствовать въ борьбѣ, и къ этой цѣли направлены всѣ мои заботы.

Признаюсь вамъ откровенно, что мнѣ гораздо менѣе тяжело, когда меня не понимаетъ народная толпа или множество людей мало меня знающихъ или даже вовсе незнающихъ, нежели когда это непониманіе я вижу въ тѣхъ немногихъ лицахъ, которымъ я посвятилъ всѣ мои привязанности. Но, клянусь вамъ Богомъ, если подобное горе присоединится къ всему, что я теперь переносу, я не стану обвинять этихъ людей, а отнесу это къ обычной участи людей несчастныхъ, которыхъ всѣ покидаютъ. Простите, добрый мой другъ, что такъ утомилъ ваше терпѣніе и длиннымъ моимъ посланіемъ, и временемъ, на него употребленнымъ, имѣя его очень мало въ моемъ распоряженіи, при моихъ ежедневныхъ работахъ.

Теперь, я долженъ дать вамъ отчетъ о второстепенныхъ предметахъ. Мнѣ не удалось добиться отъ Матушки Екатерининскую ленту для книгини Волконской: она и сама писала вамъ объ этомъ, и я нашелъ, что она недоступна къ этому предложенію. Что касается Гагарина*), мнѣ положительно невозможно его повысить, такъ какъ ему пришлось бы обогнать Салтыковыхъ и многихъ другихъ сенаторовъ, имѣющихъ передъ нимъ старшинство. Вообще, въ дни такихъ важныхъ событій, мнѣ кажется, нужно приостановиться наградами, давая ихъ только тѣмъ, которые проливаютъ кровь свою за отечество.

По привычкѣ писать вамъ обоимъ вмѣстѣ, скажу вамъ, дорогой Георгій, что, въ настоящую минуту, вы мнѣ гораздо болѣе полезны во главѣ вашихъ трехъ губерній и въ вѣдомствѣ путей сообщеній нежели въ главной квартирѣ. Въ такое время, когда непріятель всевозможными средствами хочетъ привести въ разстройство внутреннія дѣла, никакія средства не будутъ лишними, чтобъ помѣшать ему въ этомъ и поддер-

*) Бывшій въ 1812 году Тверскимъ губернаторомъ, князь Гагаринъ, женившійся позднѣе на актрисѣ Семеновѣ. Это родной дѣдъ философа Николая Федоровича Федорова, необыкновеннаго человѣка нашихъ дней. П. Б.

жать порядокъ. Никогда ваше генераль-губернаторство надъ этими тремя губерніями не было такъ важно. Нашъ единственный способъ сообщенія съ прочими частями Имперіи проходитъ теперь черезъ Ярославль; половина Москвы въ немъ, да и много еще другихъ уважительныхъ причинъ. Если вы мнѣ поддержите порядокъ и спокойствіе въ трехъ вашихъ губерніяхъ, вы сдѣлаете этимъ величайшую пользу и мнѣ, и государству.

И такъ я кончаю, призывая васъ обоихъ къ стойкости и твердости. Вы такъ часто присовѣтовали мнѣ ихъ, что, теперь именно, для васъ самихъ случай выказать ихъ; и вѣрьте, что противъ внутреннихъ смуть гораздо больше нужно и той и другой, чѣмъ противъ врага.

(Переведено съ Французскаго изъ переписки Александра Павловича съ Екатериной Павловной, изданія Великаго Князя Николая Михайловича).

Письмо императрицы Екатерины къ графу Н. И. Салтыкову.

Объ Александрѣ Павловичѣ.

Говорилъ мнѣ князь Потемкинъ, съ безпримѣрными похвалами о Великихъ Князяхъ, паче же о Александрѣ Павловичѣ, и со слезами на глазахъ, называя его ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства Имперіи, сказалъ *que c'est le Prince de son coeur* *) и что видитъ въ немъ величайшую надежду, что скромность и modestia въ немъ чрезвычайная; однимъ словомъ, онъ такъ къ нему страстенъ сталъ, какъ я и вы. Сіе вамъ нарочно пишу, чтобы вы сему радовались, что онъ всѣхъ людей сердца пріобрѣтаетъ. Въ Пятницу они оба, прійдя ко мнѣ, къ нему пойдутъ на кадильную пробу.

Вотъ вамъ плоды вашихъ трудовъ.

Сообщено Н. К. Шильдеромъ.

*) Т. е. это владыка его сердца,